

Все знают про летчиц, которые воевали в Великой Отечественной войне. Были связистки, санитарки, зенитчицы, но что мы знаем про женщин, которые воевали в танковых частях? Практически ничего. Они были, но про них почти никто не упоминает в книгах. Огромная и сердечная благодарность им за то, что они в самый трудный для нашей Родины час наравне с мужчинами защищали ее. Вечная им память и благодарность за то, что они приблизили победу и защитили свою страну.

Пролог

*Январь 1995 года, Россия, Чеченская республика,
Грозный*

Это все мне не понравилось с самого начала. Атаковать одними танками, без поддержки пехоты крупный город — да это полное безумие... О чем только эти долдоны думают?! Я, обычный старшина-контрактник, это понимаю...

Мой дед, земля ему пухом, рассказывал, как во время Великой Отечественной жгли наши танки в городах, когда они оказывались без прикрытия пехоты. Неужели тот выстраданный и обильно орошенный нашей кровью опыт Великой Войны забыт?

Своего «чеха» я не увидел, просто смотрел в свою панораму по ходу движения танка, а потом — вспышка и темнота.

Молодой чеченец, высунувшись из окна семиэтажки, внимательно следил за приближавшимся к дому танком; в его руках был хоть и старый, но вполне надежный советский гранатомет РПГ-7, заряженный кумулятивной гранатой. Дождавшись, когда танк доехал до его окна, он, резко высунувшись, выстрелил вертикально вниз. Граната попала прямо в башню, кумулятивная струя легко прожгла

тонкую броню люка и ворвалась внутрь грозной боевой машины. От этого сдетонировал почти полный боекомплект танка, и башню, мигом сорвав с погона, отбросило на добрый десяток метров от остова танка. Экипаж танка погиб мгновенно, а уничтоживший Т-72 чеченец не успел порадоваться своей победе — небольшим куском танковой брони ему снесло половину черепа.

Глава 1

22 июня 1941 года. Белоруссия

Я медленно выплывал из тишины беспамятства, а откуда-то издали, словно сквозь вату, до меня доносились чьи-то слова:

— Наденька, да очнись ты, ну пожалуйста, милая моя, доченька, очнись, прошу тебя.

Голос был женским и смутно знакомым. Хотелось открыть глаза, но эта боль в голове и шум в ушах... Мою бедную голову положили на что-то относительно мягкое и теплое. Не знаю, сколько прошло времени — десять минут, полчаса, час или вечность, пока я хоть немного, но не пришел в себя. Глухо застонав, попробовал пошевелить головой.

— Наденька, очнулась, милая моя.

Что за Наденька такая, почему ее все время упоминают? Тут меня попробовали немного приподнять, сначала за плечи, а потом, когда я уже был в полусидячем положении, меня обхватили за грудь...

Черт, откуда у меня женская грудь, да еще, судя по всему, третьего-четвертого размера? Что, дьявол меня задери, происходит?!

— Давай ее сюда! — послышался чей-то мужской голос, и меня, осторожно приподняв, перенесли через какой-то бортик.

И я оказался на сене. Мысли в голове еще путались, но я усилием воли старался их упорядочить и понять, где я и что со мной происходит. Наконец, с усилием удалось открыть глаза. Надо мной было небо, бескрайнее синее небо с редкими барашками белых облаков. Чуть скосив взгляд, я увидел края телеги и сидевшую рядом женщину средних лет. Мама, блин! Это не моя мама! А память услужливо говорила, что это моя мама, Варвара Сидоровна Нечаева, повариха из небольшого белорусского городка, куда мы приехали вместе с отцом, майором пехотинцем год назад. После начала войны отец немедленно убыл в часть, а мы с мамой, по его настоянию, двинулись в глубину страны.

Черт, черт, черт... Как это возможно?! Еще не веря своей, своей... памяти, я осторожно положил правую руку себе на грудь, а левую — как бы между прочим на пах. Да, правая оказалась на том, чего быть не должно, и похоже, весьма щедром чего быть не должно, зато левая констатировала полное отсутствие того, что быть должно, но напрочь отсутствовало.

Пипец котенку, приплыли! Вот перед мысленным взором стали проплывать недавние события. Нет, не Грозный и мой последний бой, а утренняя бомбежка и речь Молотова в полдень, прощание с отцом и дорога, а также налет пары бомбардировщиков на колонну беженцев в этот же день и близкий разрыв бомбы.

К вечеру я окончательно очухался. Вот это попадос! Судя по всему, тогда, в Грозном, я погиб, при-

чем со всем своим экипажем, и неведомая мне сила забросила меня сюда, снова на войну, самую страшную, что когда-либо происходила на Руси. Мне дали второй шанс, кто и за что или для чего — не знаю... Но суки! Почему в бабу?!

Вечером на привале я уже смог сам сходить в кусты, так сказать, проинспектировать их. Было, конечно, очень необычно... Ведь я делал это совершенно по-другому. Также я смог хоть немного разглядеть и оценить свое новое тело. Длинные ноги с крутыми бедрами, относительно неплохой талией и грудью определенно четвертого, а то и пятого размера. Будь я парнем, вернее останься я им, то обязательно, увидев такую кралю, попытался бы ее склеить. А что мне теперь делать самому?! Только от одной мысли, что меня кто-то лапает за грудь, сразу замутило — мерзость какая! Да, у меня сейчас женское тело, но сознание-то мужское! Как жить дальше? Хотя чего это — война, блин, идет, а я о таких глупостях думаю.

Кто я такой? Надежда Викторовна Нечаева была медсестрой, только их сейчас и так хватает, нашим я этим сильно не помогу. А я сам, Георгий Петрович Рябов, командир танка, афганец, буду сидеть в тылу или максимум в роте санитаркой? А вот фигушки вам! Нате выкусите! Я ТАНКИСТ! Вернее, уже танкистка, будь оно все неладно! Ну что им или ему, или ей, хрен его знает кому... — ну, короче, кто это все сделал, — стоило засунуть меня в мужское тело? С такими мыслями я и уснул.

Утром встали рано, но чувствовал я себя вполне сносно. Немного болела голова, все же контузия довольно сильная, даже сознание потерял, но, слава богу, сотрясения мозга у меня, похоже, не было. По-

завтракав остатками взятых с собой продуктов, мы вместе с небольшой колонной двинулись дальше.

Часа через три я увидел одиноко стоявший на обочине танк, это был КВ¹ с 76-миллиметровой пушкой. Его люки были открыты, а сам он внешне выглядел целым. По крайней мере, соскочив с телеги, на которой ехал, и обойдя его по кругу, я не нашел на нем никаких видимых повреждений.

— Надя, чего ты там забыла? Стоит себе танк и пускай стоит, нам идти надо!

— Подожди, мам, — ответил я ей, а сам сиганул внутрь танка.

Чертова юбка, как в ней неудобно! Не, на жаре так даже неплохо, ветер приятно обдувает ноги, но в танке сразу за что-то зацепился ею. Сев на место механика-водителя, осмотрел приборную доску и рычаги управления. Пару минут рассматривал их, а потом попробовал завести КВ. Стартер натужно заревел, но двигатель заводиться не хотел. Пере-

¹ *КВ-1 (Клим Ворошилов)* — советский тяжелый танк начала сороковых годов. Получил немецкое название «Призрак». Боевая масса — 47,5 тонн, толщина брони — 75 миллиметров, башни — 75–90 миллиметров, орудие калибром 76 миллиметров и три пулемета ДТ. Самый мощный танк в мире на тот момент; конкурировать с ним мог только английский «Черчилль», имевший сходную броню и вооружение. На начало войны немцы не имели достойного противника для КВ; в отдельных случаях, при наличии боеприпасов и опытного экипажа, КВ в одиночку сдерживал целые батальоны и даже полки немецких танков. Так, под Ленинградом после боя на одном КВ насчитали более сотни попаданий, так и не пробивших его броню. До появления на поле боя немецких «Тигров» и «Пантер» в 1943 году КВ был малоуязвим для немецких танков и противотанковых орудий. — *Здесь и далее прим. автора.*

став насилловать его и стартер, глянул на приборы. Топливо было, почти полный бак солярки, значит, дело не в этом.

— Надя! Прекрати дурью маяться!

Мама, судя по всему, разозлилась не на шутку.

— Красавица, что тут забыла?

Обернувшись на голос, я увидел молодого парня, совсем еще молодого, но уже здорового такого, с широкими плечами молотобойца.

— Помочь можешь? — спросил я его.

— А что надо сделать?

— Откинуть крышку моторного отсека.

Вдвоем мы откинули крышку.

Мама все еще пыталась заставить меня идти дальше.

Сунувшись в отсек и немного подождав, пока глаза не адаптируются к полутьме, я наконец увидел причину поломки. Какой-то раздолбай не затянул шланг подачи топлива. Вынырнув из отсека, я залез в танк: вроде видел там инструменты. Ага, так и есть, немного, но сгодится. Прихватив их с собой, вынырнул из танка и вновь нырнул в двигательный отсек. Поставив назад шланг, крепко его затянул на ТНВД¹, после чего снова залез на место механика-водителя. Запускаю стартер. Шум, рычание и вот оно — двигатель, пару раз чихнув и громко стрельнув, выпустив клуб вонючего черного дыма, уверенно замолотил на малых оборотах. С трудом включаю передачу и плавно трогаюсь с места. Всего на чуть-чуть, но главное ясно: танк на ходу.

Глушу двигатель: нечего ему соляру жрать и моторесурс выработать попусту. Боезапас почти по-

¹ Топливный насос высокого давления.

лон; не знаю, сколько положено по уставу, но снарядов много — девяносто или сто четырнадцать в зависимости от модификации. А вон и диски к ДТ лежат, две тысячи семьсот семьдесят два патрона, в диске — шестьдесят три.

Наконец, вылезая наружу. Давешний парень смотрит на меня, округлив глаза. Ну, его можно понять: стоит танк, а по нему ядреная девка лазит, да не просто так, а за пять минут найдя и устранив неисправность.

— Надежда, перестань дурить! Пошли скорее! — взывает мать.

— Прости, мама, но дальше я с тобой не пойду. Ты иди, а я тут останусь.

— Ты что, сдурела?

— Нет, но с тобой я дальше не пойду! Вот исправный танк, я его нашла, отремонтировала, и теперь он мой. На нем немцев бить буду.

— Красавица, а меня к себе в экипаж возьмешь?

Парень пришел в себя и теперь смотрел на меня осмысленно.

— А что ты делать умеешь?!

— Тракторист я, на тракторе ездить умею, а тут, считай, все то же самое.

— А почему не в армии тогда?

— А мне семнадцать лет, не взяли: сказали, что еще молод.

Да, а не скажешь. Мордашка, конечно, еще молодая, но рост под метр восемьдесят и ширина плеч солидная; видимо, сила есть, так что вполне подойдет на роль водителя. Тут ведь передачи туго переключаются. Я, пожалуй, и не смогу сам их переключать; хоть это тело и довольно крупное для девушки, но все же сила не та.

— А меня возьмете?..

— И меня?

Смотрю на говоривших. Дети, блин: один явный еврейчик, да еще и очкарик вдобавок, а другой блондин, тоже где-то лет шестнадцать-семнадцать будет.

— А что ты умеешь? — спрашиваю у еврейчика.

Нет, антисемитизмом я не страдаю, но просто интересно, что он умеет. Глядя на него, в голову приходит только одно — пиликать на скрипке.

— Я, тетенька, радиодело хорошо знаю; а тут рация стоит, вам все равно радист будет нужен.

— А откуда ты знаешь, что тут рация стоит?

— У нас танкисты стояли, один раз в танк решили залезть.

— Ладно, уговорил. А ты? — обратился я уже ко второму пацану.

— А я тогда за наводчика могу, у меня даже есть значок «Ворошиловский стрелок».

— Так из пушки стрелять не то же самое, что из винтовки!

— Показывали нам.

— Кто?

— Да мы дети командиров, мы много разной техники видели.

— Ладно, осталось только заряжающего найти.

— А мне можно?

К нам подошел еще один довольно крепкий на вид парень.

— Надя, ты с ума сошла!

Это снова попробовала наехать на меня мама, но у нее ничего не получилось. В итоге она крепко меня поцеловала и с мокрыми от слез глазами двинулась дальше по дороге.

Щеглы полезли было в танк, но я их выгнал:

— А ну, ша, башибузуки! Мне переодеться надо, если кто сунется подсматривать, получит в глаз! Всем все ясно?

— Ясно, понятно, хорошо... — послышался разноголосый ответ.

В танке я, когда за инструментами лазил, заметил старый комбез, даже быстро его развернул. Был он старым, ношеным, но чистым и вроде целым, а главное, по размеру мне подходил. Воевать в танке в юбке — не, это удовольствие не для меня; если хотите и вы мазохисты, то сами в юбке воюйте, а я как-нибудь перебыюсь. Так что залез в танк и, скинув юбку, быстро надел комбинезон.

Позвал своих тимуровцев. Они мигом залезли в танк и стали его осваивать. Кстати, попросил всех представиться, а то ведь в экипаж их взял, а имен не спросил. Вот ведь почти по анекдоту: совместно проведенная ночь еще не повод для знакомства.

Итак, по порядку. Механиком оказался Сергей Никифоров, его отец — заведующий МТС. Радист — Игорь Кацман, сын работника торговли, ну кто бы сомневался. Наводчик — Рома Томский, сын командира противотанковой батареи «сорокапятков», так что он действительно орудия знал не понаслышке. Пацаны, они пацаны и есть, и оружие для них — это самые лучшие игрушки. Устройство 53-К (в просторечии «сорокапятка» или «прощай, Родина») он выучил досконально и даже несколько раз был за наводчика на учебных стрельбах, так что хотя бы минимальный опыт у него был. Заряжающий — Толя Сорокин, сын инженера-строителя. Всех их война выгнала из дома и разлучила с семьями.